

Стоило Линь Цзайчуаню погрузиться в работу, он мог перекусить на ходу, а мог и вовсе забыть о еде. К нерегулярному питанию он давно привык и голода почти не чувствовал. Только после напоминания Синь Су он вспомнил: этот молодой господин, кажется, так и не поужинал.

Линь Цзайчуань открыл дверь машины:

— Почему не напомнил по дороге сюда?

Синь Су лениво рассмеялся:

— По дороге сюда я ещё злился.

Линь Цзайчуань недоумённо переспросил:

— Злился?

На что ему было злиться?

Но Синь Су не стал объяснять, открыл дверцу и сел в машину.

— Что хочешь есть?

Линь Цзайчуань включил подсветку у зеркала заднего вида, развернул машину и выехал от больницы.

Синь Су без всякого стеснения назвал блюдо:

— Рис с морским ушком и жареным яйцом!

Тот самый рис с морепродуктами, заказ на который он днём отменил.

Линь Цзайчуань отвёз его в тот четырёхзвёздочный отель, и этот молодой господин наконец добрался до своего запоздалого ужина. К тому же ему добавили порцию мяса морской улитки — цены там были просто возмутительные: одна эта порция стоила девяносто восемь юаней.

Рис с морепродуктами готовили на месте, поэтому пришлось немного подождать. Они вдвоём сидели в светлой отдельной комнате. Синь Су, вспоминая недавний разговор в больнице, спросил:

— По делу Чжан Минхуа у вас есть какая-нибудь зацепка?

Рядом с Линь Цзайчуанем Синь Су, кажется, постоянно забывал, что он подчинённый: держался слишком вольно. К счастью, Линь Цзайчуань на это не обижался. Он ровным голосом сказал:

— Школьная травля бывает почти в каждой школе. Ученики идут за большинством, сбиваются в группы, ищут, к кому примкнуть, — и в итоге «изолируют» кого-то одного. Бывает и хуже: сильные давят слабых, через травлю утверждают своё положение внутри группы и заодно дают выход собственной жестокости.

Он помолчал и поднял глаза на Синь Су:

— Лю Цзин сказала, что отвергла Чжан Минхуа из-за разницы в положении семей. Но я не думаю, что старшеклассница стала бы рассуждать настолько реалистично и далеко вперёд. Это больше похоже на предлог. Если отбросить семейный фон, как думаешь, почему Лю Цзин могла не захотеть быть с Чжан Минхуа?

Юноша и девушка, влюблённые друг в друга, были как раз в том возрасте, когда всё только начинается: им бы украдкой держаться за руки в школе, неловко целоваться где-нибудь в уголке рожицы. Но у Чжан Минхуа и Лю Цзин не только не вышло «счастливого финала» — всё закончилось тем, что смерть разлучила их.

Синь Су немного подумал и, подхватывая его мысль, предположил:

— Вполне возможно, школьная травля случилась не впервые. Лю Цзин уже видела, чем заканчивают другие её поклонники, и знала, что рядом с ней вьётся ядовитая змея. Если эта змея уже нападала на тех, кто проявлял к ней интерес, страшно представить, что ждало бы того, кто нравился самой Лю Цзин.

Поэтому Лю Цзин вообще не смела мечтать о том, чтобы быть с человеком, которого любила. Возможно, она даже не решалась выдать свои чувства, боясь навлечь на него беду.

Поэтому Лю Цзин сказала: «Это я его убила». Поэтому она «не хотела».

И тут Синь Су вдруг понял: что-то не сходится.

Этот Чэнь Чжилинь совсем не был похож на ту самую «ядовитую змею».

Днём, когда Чэнь Чжилинь пришёл в городское управление, первое впечатление от него было одно: робкий, забитый, словно привык всю жизнь ходить согнувшись. Один холодный окрик Линь Цзайчуаня — и он уже дрожал всем телом.

А когда Линь Цзайчуань упомянул Лю Цзин, реакция тоже оказалась слишком странной: услышав, что Лю Цзин лежит в больнице, он никак не отреагировал, словно вообще не знал эту

девушку.

Нельзя исключать, что дело о смерти человека перепугало его до полусмерти, но... всё равно не похоже.

Синь Су подпёр подбородок одной рукой и тихо, почти про себя, сказал:

— Это должен быть кто-то высокомерный, сильный и склонный всё контролировать.

Линь Цзайчуань не расслышал:

— Что ты сказал?

Синь Су пришёл в себя и слегка улыбнулся:

— В университете я из любопытства какое-то время изучал криминальную психологию. Сейчас попробовал набросать психологический профиль подозреваемого... Но мастерства мне не хватает, не мне учить профессионала.

Услышав это, Линь Цзайчуань что-то вспомнил и сказал:

— Слышал, у тебя двойная специализация: уголовный розыск и криминальная психология.

Синь Су очень скромно ответил:

— Просто от скуки прочитал чуть больше книг. Показалось интересным — вот и проучился два года.

Линь Цзайчуань прямо посмотрел ему в глаза и неожиданно спросил:

— Почему тогда ты вообще поступил в Полицейский университет? Боюсь, это было не минутное увлечение. Ты окончил его, пришёл служить в полицию — и цель у тебя с самого начала была вполне ясная.

Для единственного сына семьи Чжан само решение Синь Су поступить в полицейский вуз выглядело нелогичным. Линь Цзайчуань ещё не видел богатого молодого господина, который добровольно полез бы в правоохранительную систему. Обычно от людей в форме — от этих самых «легалых» — они шарахались как от чумы.

Синь Су несколько мгновений смотрел ему прямо в глаза, не уклоняясь и не отводя взгляда, а потом опустил глаза и улыбнулся, уходя от главного:

— Разве капитан Линь не говорил, что мои личные дела его не интересуют?

Линь Цзайчуань уловил в его словах скрытую язвительность и только теперь запоздало понял кое-что: Синь Су тогда «злился» и потому не поужинал — из-за этой фразы?

— Значит... ты злился на меня из-за этих слов?

— Да. — Синь Су тут же сделал унылое лицо, голос стал тихим, почти жалобным. — Вы первый, кто сказал мне, что ему неинтересно. Такое холодное отношение. Конечно, я расстроился.

Услышав это, Линь Цзайчуань поставил стакан с водой и удивился такой неуместной обиде. Подняв глаза, он увидел, что Синь Су смотрит на него с откровенной насмешкой.

Молодой мужчина напротив подпирал подбородок правой рукой и смотрел на него. Красивые узкие глаза прищурились, и улыбался он точь-в-точь как лис, задумавший что-то недоброе.

Линь Цзайчуань:

— ...

Из десяти фраз этого человека, возможно, верить можно было только одной.

Поняв, что Синь Су намеренно переводит разговор, Линь Цзайчуань не стал продолжать расспросы. Вскоре дверь отдельной комнаты открылась, и официант принёс две порции риса с морепродуктами. У Синь Су была явно не обычная порция: сверху толстым слоем лежали морское ушко и мясо морской улитки — столько, что уже почти не помещалось. Линь Цзайчуань заказал обычный рис с крабовой икрой, но и он золотился и пах густо, аппетитно.

— Ваш рис с морепродуктами. Приятного аппетита.

Линь Цзайчуань кивнул:

— Спасибо.

Синь Су, похоже, уже не был особенно голоден. Он серебряной вилкой подцепил кусочек мяса морской улитки в густом соусе, положил в рот и принялся неторопливо жевать.

Возможно, сказывалась профессиональная привычка: Линь Цзайчуань ел быстро и почти не разговаривал. Синь Су увидел, что тот совершенно не собирается обращать на него внимание, скупаяще облизнул губы и, словно специально цепляясь к пустякам, сказал:

— Капитан Линь, хочу попробовать ваше.

Услышав это, Линь Цзайчуань вдруг вспомнил слово, которое Чжан Фэй часто произносила в кабинете: «капризуля».

Тогда он не очень понимал, что оно значит, но теперь, столкнувшись со всеми странными требованиями Синь Су, внезапно начал понимать.

Линь Цзайчуань подвинул миску к Синь Су, показывая, чтобы тот сам взял ложкой. Синь Су тоже совершенно не стал с ним церемониться и без всякого стеснения взял себе из его миски риса с крабовой икрой.

После ужина они вышли из отеля. Линь Цзайчуань взглянул на время: было уже поздно.

— Где ты живёшь? Отвезу.

Синь Су на редкость вежливо сказал:

— Место, где я живу, немного далеко. Довезите меня до городского управления, я сам поеду на своей машине.

Линь Цзайчуань подумал и тихо спросил:

— В виллах на восточной окраине?

Синь Су улыбнулся.

Рядом с городским управлением Синь Су так и не присмотрел себе маленький особняк, который пришёлся бы ему по душе, а жить в жилом комплексе он не хотел. Поэтому всё это время он жил в районе вилл на восточной окраине — очень далеко от центра. Даже утром до городского управления приходилось выезжать на полчаса раньше.

А Линь Цзайчуань жил на западе города. Туда и обратно — через половину Фусю, почти два часа дороги. Слишком далеко.

Линь Цзайчуаню оставалось только отвезти его обратно к городскому управлению. Уже в машине он снял с ключницы один ключ и протянул Синь Су:

— Если не против, можешь переночевать у меня в кабинете. В столе есть раскладушка. Или можно разложить диван и поспать на нём. Одеядло лежит в правом нижнем шкафчике.

Синь Су протянул руку и взял ключ. На лице мелькнуло что-то похожее на довольство... Ему вот так взяли и дали ключ от кабинета начальника.

Посреди ночи он и правда был сонный до того, что не хотел садиться за руль. В конце концов, переночевать в кабинете было не худшей идеей. Попрощавшись с Линь Цзайчуанем, Синь Су развернулся и вошёл в здание городского управления, а в темноте уверенно, как в знакомом месте, добрался до двери кабинета Линь Цзайчуаня.

Щёлк.

Синь Су протянул руку и включил свет. Комната мгновенно осветилась. В кабинет Линь Цзайчуаня он вошёл впервые. Всё было чисто и аккуратно; только на рабочем столе слоями лежали документы, из-за чего он выглядел немного беспорядочно. Очень в стиле Линь Цзайчуаня.

Синь Су некоторое время разглядывал диван и на глаз прикинул: две его длинные ноги туда, скорее всего, не поместятся. Он опустил спинку дивана и достал одеяло с подушкой из того самого шкафика, о котором говорил Линь Цзайчуань.

Одеяло оказалось очень мягким и пахло чем-то чистым, прохладным.

Диван и правда оказался коротковат: ноги от колен почти свисали с края. Синь Су оставалось только жалобно поджать их, лечь на бок и устроиться как получится.

Свет погас. В кабинете стало темно и тихо. Синь Су медленно закрыл глаза.

Прошло столько лет, а Линь Цзайчуань, кажется, почти не изменился. И выглядел он так, будто восстановился очень хорошо. После таких тяжёлых ран тело должно было стать гораздо слабее прежнего, но он всё равно сумел занять важную должность в городском управлении полиции...

Синь Су беззвучно, едва заметно улыбнулся.

Это хорошо.

Он любил людей, которых трудно сломать.

* * *

Когда уголовный отдел вёл дело, сотрудники обычно приходили на работу на полчаса раньше и ориентировались на капитана Линя — местный эталон трудоголизма.

Правда, с тех пор как кое-кто явился на службу, в отделе появился живой пример борьбы с трудоголизмом.

Ша Пинчжэ посмотрел на пустое место и увидел, что рабочий день уже начался, а нового коллеги всё ещё нет. Он недовольно сказал:

— Этот Синь Су опять опаздывает? Вчера опоздал — ладно, но сегодня снова не пришёл вовремя. Он там дома проспал, что ли? Может, кто-нибудь ему позвонит?

Линь Цзайчуань, сидевший рядом, о чём-то вспомнил. Рука у него остановилась, он положил ручку и пошёл наверх, к своему кабинету.

Дверь кабинета не была заперта изнутри. Линь Цзайчуань просто толкнул её и вошёл.

Солнечный свет закрывали тяжёлые шторы, в комнате стоял полумрак. Диван был разложен и застелен как кровать; Синь Су обеими руками обнимал одеяло и всё ещё крепко спал.

Половина лица была уткнута в одеяло, тонкие брови слегка нахмурены, а под растрёпанными прядями лицо даже во сне казалось холодным и хмурым — будто ему снился не самый хороший сон.

Линь Цзайчуань ещё не успел заговорить, как откуда-то раздался звон будильника.

Синь Су негромко промычал, сонно приоткрыл один глаз — ресницы почти слипались от сна. Из-под одеяла высунулось холодно-белое запястье: он нащупал телефон, выключил будильник, снова убрал руку и, зарывшись головой в одеяло, продолжил спать.

Вылитый студент после семидневных каникул, которого внезапно настигла первая пара в восемь утра.

Линь Цзайчуань смотрел на него две секунды, потом сказал:

— До каких пор собираешься спать?

От этого внезапного холодного голоса Синь Су проснулся сразу. На второй рабочий день его непосредственный начальник вытаскивал его из-под одеяла; голова, кажется, ещё была немного мутной. Он пробормотал:

— ...Капитан Линь.

Линь Цзайчуань стоял рядом с диваном и сверху вниз смотрел на него, холодно сказав:

— Восемь сорок. Ты знаешь, какое наказание в городском управлении за три опоздания за месяц?

Рубашка Синь Су под одеялом смялась до невозможности. Он сел на диване с растрёпанными волосами и спустя некоторое время тихо сказал:

— ...Два.

Линь Цзайчуань сказал:

— Это твой второй день на работе.

— Я сейчас отмечусь. — Синь Су одним рывком поднялся с дивана, поправляя одежду на ходу, и направился к выходу. По дороге он, кажется, ещё пробормотал: — ...Всё равно зарплату пусть сколько угодно вычитают... лишь бы не уволили...

Линь Цзайчуань посмотрел, как он с виноватым видом исчез за дверью, беспомощно покачал головой, наклонился, сложил растрёпанное на диване одеяло и убрал его обратно в шкаф.

Синь Су честно сходил к входу и отмылся, потом забежал в уборную привести себя в порядок. Только убедившись, что снова выглядит прилично, он неспешно вернулся в кабинет. Проходя мимо Чжан Фэй, он остановился, негромко кашлянул и тихо спросил:

— Сестрица Чжан, а что у нас в отделе бывает за три опоздания?

— По общему правилу управления — минус десять процентов месячной зарплаты и публичное самокритическое выступление на собрании, — Чжан Фэй даже головы не подняла. — А у нас в уголовном отделе, думаю, ещё добавятся ежедневные три километра по стадиону.

Синь Су:

— ...

Каждый день. Три километра.

Чжан Фэй с улыбкой добавила:

— Правда, у нас в отделе такого прецедента ещё не было. Старайся, держись достойно — и через двадцать восемь дней начнётся новый месяц!

Синь Су:

— ...

Отлично. Похоже, жильё рядом с управлением всё-таки надо покупать как можно скорее.

Синь Су с мрачным выражением вернулся на своё место, сел и через полминуты передвинул будильник ещё на пятнадцать минут раньше.

Вскоре Линь Цзайчуань встал у двери и постучал. Говорил он быстро, сжато:

— Чжан Фэй, свяжись с родителями всех учеников, которые в тот день были в караоке-клубе. Пусть сегодня или завтра приводят детей в городское управление и содействуют расследованию. Если кому-то неудобно прийти или кто-то не захочет, мы сами выедем к ним для опроса.

Чжан Фэй немного удивилась и осторожно спросила:

— Такой масштаб?

Лицо Линь Цзайчуаня было жёстким и холодным:

— Если тараканы уже выползают при свете дня, значит, в тёмных углах их слишком много. Очень возможно, что Чжан Минхуа — не первая жертва школьной травли и даже не последняя.

Чжан Фэй открыла оставленные тогда данные учеников и начала по одному звонить в семьи. Остальные оперативники тоже собрались вместе и принялись читать материалы.

На экране пролистнули страницу с информацией об учениках. В правом верхнем углу появилась фотография мальчика на синем фоне — снимок формата «на документы». Синь Су невольно приподнял бровь и с удивлением тихо сказал:

— А, знакомый.

Хэ Чжэн удивился:

— Ты его знаешь?

Синь Су кивнул:

— Сын Сюй Нинъюаня, Сюй Юи.

После этих слов он заметил, что ребята рядом смотрят на него странными, непонимающими глазами. Синь Су помолчал несколько секунд и только потом понял, в чём дело. Он улыбнулся и объяснил:

— Семья Сюй когда-то была одним из партнёров нашей семьи. Их семейный бизнес не местный, они довольно известны в другой провинции. Я однажды встречал отца и сына Сюй на деловом приёме, так что ещё помню его.

Хэ Чжэн не мог представить себе такую сцену, поэтому только сухо протянул:

— А-а.

— После развода Сюй Нинъюаня с бывшей женой сын остался с матерью и всё время жил в Фусю, — Синь Су дважды щёлкнул мышью и тихо рассмеялся. — Вот этот парень на экране... Мир тесен.

<http://bllate.org/book/17934/1724244>